

1993

Как
расстреляли
Россию

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

**БОЙНЯ
1993 года**

**КАК
РАССТРЕЛЯЛИ
РОССИЮ**

**МОСКВА
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2013**

УДК 94(4)
ББК 63.3
Б 91

Оформление серии С. Курбатова

Буровский А. М.

Б 91 Бойня 1993 года. Как расстреляли Россию / Андрей Буровский. — М. : Яуза-пресс, 2013. — 288 с. — (1993. Как расстреляли Россию).

ISBN 978-5-9955-0622-5

К 20-летию расстрела Белого дома! Самая честная и независимая книга о бойне 1993 года. Вся правда о причинах и «кукловодах» этой трагедии. Хотя бы теперь, поколение спустя, пришла пора провести независимое расследование этого массового убийства и вынести приговор истории!

По чьей вине сбылось пророчество Дантона, который перед казнью сравнил революцию со свиньей, пожирающей собственных детей? Не стал ли расстрел Белого дома последним актом «Великой Геополитической Катастрофы» – краха СССР? Как осенью 1993 года нас вновь довели до братоубийства? Кто скрывался за кулисами трагедии и дергал за тайные нити? Каким чудом русскому народу хватило ума не выбирать из двух зол, а ответить поджигателям войны: ЧУМА НА ОБА ВАШИХ ДОМА!

УДК 94(4)
ББК 63.3

ISBN 978-5-9955-0622-5

©Буровский А.М., 2013
© ООО «Яуза-пресс», 2013

Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

А.С. Пушкин

Введение

История ничему не учит? Да. Того, кто не хочет учиться, история ничему не в силах научить. И ничто вообще не в силах ничему научить.

У нас до сих пор заламывают руки и громко удивляются, что в 1993 году передрались и истребили друг друга вчерашние соратники и единомышленники. Вчера еще, в 1991 году, они дружно сокрушали «империю зла» — свою общую родину СССР. Прошло всего два года — и они приказали открыть друг по другу огонь.

Это удивительно? Нисколько. Удивляться происходящему могли только очень наивные люди. Или очень невежественные... Те, кто не хотел ничему учиться у истории.

Революция пожирает своих детей? Да. А что — бывает иначе? Нет, иначе не бывает никогда.

Примеров миллион, в разные времена, под разными небесами. Французская революция 1789—1794 годов — своего рода мировой эталон революций. Фраза одного из ее виднейших деятелей, Дантона, — сравнение революции со свиньей, которая пожирает своих детей — тоже классика. Перед лицом революционного трибунала Дантон бросил в лицо его членам: «Это я приказал учредить ваш подлый трибунал — да простят мне Бог и люди!» Что это было? Позднее прозрение? Отчаянная «храбрость» загнанной крысы? Не знаю, да и не хочу знать... Психология подонков мне

совершенно не интересна. Но судьбу Дантона разделили почти все, кто начал революционное безумие. Почти никто не погиб от рук контрреволюционеров. Лишь малую толику якобинцев истребил Наполеон. Основная масса погибла от рук таких же, как они сами... Наполеон «зачистил» последних, случайно уцелевших.

Истребляемые кричали, что они ни в чем не виноваты! Они не какие-то там попы, не дворяне, не всякие обыватели, усомнившиеся в величии революции!! Они не «враги народа», они не «содействуют врагам Франции», не «нарушают чистоту и силу революционных принципов»... Они «свои»! Тысячу раз «свои»!

...Но самыми опасными для революционеров всегда оказывались не «классовые враги», а другие революционеры.

Более того: революция давно закончилась, а революционеры все истребляли друг друга. Еще в 1804 году Наполеон заставил революционеров жить, подчиняясь законам; но в 1814 году, как только союзные войска вошли во Францию, поднялся новый вал насилия. Возьмите хотя бы с детства знакомую классику... например, «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма. В романе описываются доносы, подлости, заговоры, политические убийства... Главный герой романа, несчастный Эдмон Дантес, попал в тюрьму по доносу... Личные враги «присоединили» его к политическим преступникам — так и в России после очередной революции делали частенько. Но с Эдмоном Дантесом расправились уже много после революции: события закончились, а хвост от них тянется. В романе постоянно описываются политические убийства, совершенные уже в 1820-е годы, когда революционеры не могли больше убивать нормальных людей. Они продолжали убивать друг друга: сводили старые сче-

ты, выясняли, кто прав и почему. Выясняли привычным для них способом.

Так кончают почти все преступники. Немногих неудачливых бандитов убивают полиция или разъяренные граждане, но большинство гибнет от рук других бандитов. Масштаб захваченной добычи не имеет никакого значения: бандиты все равно передерутся. Бандитов и насильников можно красиво назвать «завоевателями» или «покорителями новых земель», но от произнесения высоких фраз ничего не меняется: грабитель и насильник всегда погибают рано и плохо. Для грабителя и убийцы нет никого опаснее, чем другой грабитель и убийца.

В XVI веке 180 испанцев под командованием Франсиско Писсаро завоевали земли, населенные 3 миллионами индейцев. 7, а по другим данным, 11 испанцев были убиты индейцами. Остальные на короткий срок сделали сказочно богатыми людьми... На очень короткий: спустя 5 лет ни одного из них не было живых. В числе прочих убили и самого Франсиско Писсаро.

Удивительные, странные дела? Нисколько не странные.

Преступники потому так и называются, что преступают закон и порядок. Они стремятся отменить его для всех людей — но начинают с того, что отменяют правила жизни для себя. Закон бандитов — беззаконие. Там, где торжествует право сильного, никто не жилец. Самый опасный человек для бандита — другой бандит.

Писсаро опирался на деньги и оружие Испании, чтобы захватить империю инков. Захватил, совершив дикое беззаконие, попирая справедливость и порядок.

Ленин и Троцкий, опираясь на деньги Уолл-Стрифта и германской разведки, силой захватили власть в Российской империи.

Ну и в чем разница? Все они посеяли насилие, и с ними тоже поступили по мрачным законам насилия. Ленин и Троцкий даже хуже, и намного, Писсаро: они бесчинствовали не в чужой земле, а в своей собственной.

Чем отличаются от всех названных революционеры образца 1991—1993 годов? Ельцин, Хасбулатов и другие опирались на иноземную помощь и иностранные деньги. Они насильно сокрушили СССР, чтобы сменить его политический и экономический строй: как Писсаро в Перу, а Ленин и Троцкий — в Российской империи.

Таковы все революции — это преступные попытки уничтожить одно государство, чтобы основать на его месте другое... Или много других.

Революция еще преступнее завоевания — потому что завоевывают чужое государство, а революцию совершают те, кто в нем вырос. Кто, теоретически рассуждая, должен быть к нему хотя бы относительно лоялен.

Революционеры, сокрушившие СССР, — предатели и преступники, совершители незаконных деяний. Они установили для себя и навязали стране закон сильного, отменили законы, попрали обычаи, высмеяли традиции, нагло обманули великое множество людей. Удивление вызывает не то, что они и друг с другом поступали по тому же закону. Это как раз не удивительно: как только «общий враг» сокрушен, революционеры всегда начинают воевать друг с другом.

Удивление вызывает другое: кратковременность событий 1993 года и мягкие последствия для побежденных. Боевые столкновения 1993 года, в отличие от «бархатной революции» 1991 года, унесли жизни нескольких тысяч рядовых людей (хотя и эти потери не вышли за пределы Москвы). Но руководители оппозиции живы-здоровы, они процветают до сих пор. Это

необычайно для революций... Все же нравы в мире улучшаются, становятся мягче и добрее.

И не будем делать вид, что все началось в сентябре 1993 года. Революция началась в августе 1991-го, спустя два года состоялся всего лишь ее новый этап. Тут тоже ничего нового нет: все революции происходят в несколько этапов. Во всех революциях возникают группировки, стремящиеся к разным целям.

Во время Французской революции 1789—1794 годов жирондисты, якобинцы и «бешеные» воевали друг с другом не менее яростно, чем со сторонниками короля. Во время Гражданской войны 1917—1922 годов не совпадали цели эсеров, меньшевиков, большевиков, анархистов, национальных революционеров на окраинах и в центре Империи. Все воевали со всеми. Революция — это всегда война между революционерами, а результаты революции зависят от того, какая группировка победит.

На рубеже 1980-х и 1990-х годов на просторах рушащегося Советского Союза схватывались националисты всех сортов, регионалы, либералы, социал-демократы, народовольцы, социалисты и утописты всех мастей. Кто побеждал — тот и навязывал стране свой вариант выхода из революции.

— Но ведь это была вовсе не революция! — возразят мне наши прекраснодушные интеллигенты. — События 1993 года ничего не дали народу! Стало только еще хуже! Значит, это была не революция! Это была контрреволюция!

А кто вам сказал, почтенные мои, что революция вообще решает какие бы то ни было вопросы? Что она вообще является благом для народа?

Даже если считать, что революцию совершает народ (а это далеко еще не факт), то вовсе не обязательно революция делает жизнь лучше и приятнее.

Да и свободнее от революции не становится почти никому.

Революционеры решают вопрос о власти. Пока вооруженная группировка решает для себя этот вопрос, воюя со всем белым светом, она ничего не создает, а только разрушает и отнимает.

Свободнее становится только в том смысле, что пока не установится новая прочная власть, ослабляется или даже вообще исчезает вообще всякий порядок. Раньше были ограничения или запреты, а теперь они пропадают. Хорошо? Как сказать... Ведь вместе с запретом торговать без пошлины, не платить налоги или ездить куда хочешь исчезают и другие запреты: например, запрет на грабежи, изнасилования и преднамеренные убийства.

Всегда и во всех случаях «оказывается», что сумма запретов «старого режима», при всей их стеснительности, глупости и неудобстве, выгоднее для большинства людей, чем их разовая отмена. Нормальный человек выигрывает копейку, потому что ему разрешили вывозить и продавать продукцию... Но зачем ему это, если никто не покупает? И вообще деньги стоят меньше, чем нарезанная бумага? Выиграл копейку — проиграл рубль.

Крестьянин выиграл копейку, да и той не может получить. А вот уголовник выиграл все сто рублей, потому что теперь он может грабить и убивать, а запретить ему некому: полиция разбежалась, прокурора убили как «контрреволюционера», судья с перепугу эмигрировал. Еще больше выиграл член какой-нибудь жуткой секты, по вере которой надо приносить в жертву младенцев или есть человечину: остановить его секту некому, они среди бела дня пляшут перед горой из черепов.

Революция — рай для преступников; если они и не идут на службу к «революции», то уж во всяком

случае делаются невероятно свободными. Конечно, свобода мародеров оборачивается самой неприятной стороной для всех остальных... Даже если крестьянин сдуру и поддержал революцию на первом этапе, скоро он взвоет. Лучше ему было не выигрывать копейки! Пусть бы полиция гоняла с рынка не оплативших досадную пошлину, но и разбойник бы при виде полицейского ханжески опускал бы глазки и почтительно снимал шапочку.

Королевская власть во Франции XVIII века, царская власть в России начала XX века была несправедлива. Рядовой человек считался ниже дворянина, он зависел от всякого правительственного чиновника. Но, с другой стороны, он не зависел от произвола всякого, у кого в руках ружье... А во время революции прежние законы не действуют, новые противоречивы и сумбурны, к тому же никакие законы вообще не исполняются. Собственник в деревне и в городе оказывается во власти вооруженных банд, красиво называемых «продовольственными отрядами» и «революционным самоуправлением».

То есть получается — революция кричит о свободе, но мгновенно делает человека намного менее свободным, чем он был раньше.

К тому же и установление новой прочной власти не так радует, как хотелось бы. Свобода?! Этой интеллигентской байке можно только смеяться. На смелую королевскому (во Франции) и царскому (в России) режимам пришел Наполеон (во Франции) и советская власть (в России), то есть диктатуры в сто раз свирепее королевской и царской.

Романтические интеллигенты строят романтический образ революции как своего рода фестиваля. Столкнувшись с мрачными и грязными реалиями настоящей революции, которая не в книжке, а в жизни, довольно большая часть русской интеллигенции

уже в мае 1917 года вполне искренне пришла к выводу: революция делается какая-то ненастоящая. Ведь «правильная революция» — это весело, романтично, героично! Революция сразу же ведет к немедленным историческим свершениям...

А тут великих дел что-то не видно, не происходит никаких «позитивных изменений», а по улицам слоняется какая-то жуткая вооруженная сволочь, гавкает матом, хлещет самогон, пристает к женщинам и смертно пугает детишек.

Что же до великих свершений...

Революция дарит свободу рядовому члену общества? Никакими силами невозможно доказать, что человек во Франции первой половины XIX века стал свободнее, чем был при Людовиках. Никакая словесная пачкотня не сможет заслонить того факта, что при советской власти свободы стало намного меньше, чем было даже в конце XIX века, а уж тем более после 1905 года. Можно поспорить, был ли человек в России свободнее при Брежневе, или стал в 1990-е, после новой революции 1991—1993 годов. И еще не факт, что стал свободнее!

Революция справедливо разделяет собственность? Это уже вообще полный бред, потому что всякая революция и всегда отнимает собственность у законных владельцев и передает ее разбойникам. Уже потом разбойники, получившие каждый свою халяву, вооруженным путем отнимают ее друг у друга.

Опять обратимся к эталонному случаю: Франция.

Экономический строй Королевства Французского был несправедлив: 10% земель принадлежали духовенству, 20% — дворянству, одна треть земель принадлежит буржуазии и лишь одна треть (да и то не лучших земель) принадлежит крестьянству.

За время революции до 40% земель обрели новых владельцев, в том числе все земли церкви и половина

земель дворян. Только кто сказал, что их получили крестьяне? Франция весь XIX век оставалась страной мелких крестьянских хозяйств, нищих крестьян, арендаторов и крохотных «отрезков». А в 1794 году революционная сволочь «конфисковывала» землю у законных владельцев и продавала ее на аукционах. Покупали за бесценок, конечно, но не кто угодно, а именно те, кто имел «нужные» связи. Покупал тот, кто сумел уже во время революции нахапать побольше и необязательно законным способом.

Получается: одного «буржуя» (разбогатевшего на основанном им или его предками производстве) объявляют «врагом народа» и лишают земли. А другого, причем явного мародера, разбогатевшего в смутное время и весьма смутными методами, делают владельцем той же самой земли.

Кстати, во французской литературе писали об этом совершенно откровенно: именно таким способом округлил свои владения папаша Гранде, отец главной героини романа Бальзака¹.

Во Франции происходило нечто знакомое, правда? Что-то в духе той самой приватизации, которую в народе верно назвали «прихватизацией». И это у нас будет что? Борьба за справедливость, да? Но тогда что же такое грабеж? И чем действия революционеров всех времен отличаются от деяний все того же Писсаро? Та же разбойничья программа, совершенно уголовного свойства: отнять и поделить... Причем поделить вовсе не между «представителями народа». Делят всегда между «своими» — между членами банды.

Гарантии свободы и пользования собственностью?

Во Франции такие гарантии давал королевский режим. Это было несправедливо, потому что права человека зависели от принадлежности к сословию.

¹ Бальзак *Онофе де*. Евгения Гранде. М.: Молодая Гвардия, 1958.

Новые гарантии, уже независимо от сословной принадлежности, ввел Кодекс Наполеона, в 1804 году. Почему-то считается, что если осуществление прав зависит не от сословной принадлежности, а от толщины кошелька человека, то это «справедливее».

Если даже и так, то в любом случае права и гарантии прав давала сначала монархия, потом — жестокая диктатура Наполеона Бонапарта. Кстати, намного более жестокая, чем была диктатура короля.

И у нас ведь точно так же — что в начале, что в конце XX века. Революция 1991—1993 годов подняла волну чудовищного беззакония. В 1990-е годы абсолютное большинство людей жутко обнищали и оказались беззащитны против разгула самого откровенного бандитизма. А какие-то гарантии и права дал режим Путина, который и диктатурой назвать можно разве что с сильного похмелья.

Так что же такого особенного в «нашей» революции 1991—1993 годов? А ничего. Революция как революция.

Даже упадок страны после революции — дело совершенно обычное. Это только в воспаленном воображении революционных интеллигентов перевороты и катаклизмы несут нечто «прогрессивное» и способствуют развитию.

Революция (которая не в книжке, а в реальности) никогда не продвигает и не укрепляет страну, а только ослабляет ее. Что и естественно: революция разрушает экономику, уничтожая самые сложные формы производства, инфраструктуру и связи между регионами. Чем дольше и радикальнее революция — тем больше разрушений и потерь.

До революции 1789—1794 годов Франция была самым передовым государством Европы... И всего мира. Можно сколько угодно смеяться над галломанией русского дворянства, но уперто учить французский

язык у них были веские причины. Французский учили и Германия, и Британия, и весь юг Европы. Дело, конечно, не в его исключительных красотах, а в доступе к тем текстам, которые давало знание французского.

Французские моды и французская кухня, французская музыка и французская архитектура господствовали в Европе. Ученики превосходили учителей! В дворцовых комплексах и Германии, и России больше хорошего вкуса. Сегодня не так уж сложно сравнить знаменитый и широко разрекламированный Версаль и Екатерининский дворец и парк в Царском Селе. Не верите — так убеждайтесь сами: Екатерининский дворец и по размерам больше, и намного красивее Версальского. Но все же были ученики и были учителя. Учителя были французы.

А ПОСЛЕ революции 1789—1794 годов Франция перестала быть лидером Европы. Никогда больше не была она лидером ни экономическим, ни военным, ни политическим, ни культурным. Последним всплеском этого лидерства стала как раз империя Наполеона. Вспыхнула... И погасла навек. Франция же раз и навсегда стала «всего лишь» одной из европейских держав — не хуже, но и ничем не лучше других.

Так и у нас. ДО революции и Гражданской войны 1917—1922 годов Российская империя была одной из великих держав и одним из лидеров мирового развития. ПОСЛЕ этих чудовищных событий разоренная, устрашающе обнищавшая страна десятилетиями возвращалась в хотя бы относительно нормальное состояние.

ДО революции 1991—1993 годов Советский Союз был одной из двух «сверхдержав». Вся мировая наука делилась на советскую и «всю остальную». Культурная жизнь в эпоху Брежнева была необычайно интенсивна и развивалась взрывообразно.